

То некогда должно было быть пышным, отлично развитым деревом. К сожалению, неизвестно по какой причине его переломило пополам, и крона рухнула рядом со стволом; она не завяла, с неё лишь опали все листья.

В Море Сознания не было ветра, те листья тоже не высохли и не пожелтели — они так и зеленели, устилая расколотую землю.

Вероятно, часть их уже провалилась в пустоту трещин и исчезла бесследно.

Он собирался проникнуть в Море Сознания этого человека, чтобы проверить, действительно ли тот является Цзин Фаньшэном, но теперь в этом не было никакой возможности убедиться.

Подобную картину запустения он видел впервые. Разочарование отступило перед лицом куда более сильного потрясения и затаённого страха.

Море Сознания расколото, Божественное сознание повреждено столь тяжко — Янь Сяожань совершенно не понимал, как этот человек вообще выжил. Вспоминая собственное состояние в период тяжёлых ранений, он понимал: даже если этот человек чудом спасся, по идее, он давно уже лишился возможности черпать духовную силу.

При всей странности происходящего Янь Сяожань не смел приблизиться и повнимательнее присмотреться к тому, что творится с Божественным сознанием этого человека; он даже не решался пошевелиться хотя бы на йоту.

Море Сознания незнакомца находилось всего в шаге от полного краха и уже не вынесло бы никаких резких движений. То, что он только что силой прорвался внутрь и не натворил беды, было чистой случайностью.

Если бы пострадало лишь Божественное сознание, оставалась бы надежда на исцеление.

Но если не существует даже Море Сознания, где Божественное сознание могло бы черпать подпитку и обрести покой, к чему это приведёт?

После смерти простого смертного его душа, не находя приюта, вынуждена возвращаться в лоно небес и земли, чтобы вновь погрузиться в круговорот сансары.

Однако культиваторы стремятся к бессмертию, и всё их постижение Пути, по сути своей, является дерзкой попыткой бросить вызов небесам и изменить собственную судьбу. За долгие годы тренировок их души давно обратились в Божественное сознание, и если сосуд, вмещающий его, исчезнет, то Божественное сознание просто рассеется меж небом и землёй.

Ни возрождения, ни возвращения в круговорот.

Только что он чуть было не стёр человека в пыль и пепел.

Янь Сяожань вдруг почувствовал резкую колющую боль в груди. Она пронзила его изнутри, частая и густая, как стежки иголки, и стремительно распространилась во все стороны — не слишком сильная, но такая пронзительная, что от неё негде было скрыться.

Это ощущение отличалось от той безысходности и одиночества, что он вкушал изо дня в день на протяжении пятнадцати лет. Если попытаться подобрать название, то это был бы страх наивысшей пробы: если бы можно было выбирать, он предпочёл бы вечно оставаться в неведении, лишь бы найденный им человек не оказался Цзин Фаньшэном.

А если он действительно Цзин Фаньшэн...

Кровь в жилах словно мгновенно застыла, даже кончики пальцев сделались ледяными. Бессознательно сжав кулаки, Янь Сяожань судорожно вздохнул, и в его глазах, где ещё отчётливо виднелись белки и зрачки, вдруг промелькнула алая вспышка.

Господин секты, я принёс вам воды.

Чэнь Исян пару раз окликнул его у подножия лестницы. Не дождавшись ответа, он осторожно поднялся наверх, снова позвал у входа, но вновь не услышал ни звука.

Господин секты? Испуганный и озадаченный, Чэнь Исян наконец толкнул створку двери и заглянул внутрь.

На втором этаже находилась всего одна комната.

При создании этого помещения Янь Сяожань слегка колдовал над ним, наложив дополнительный барьер, благодаря которому размеры пространства могли меняться по его воле.

Сейчас комната казалась не больше обычной спальни, из убранства в ней не было почти ничего: лишь деревянная кровать, ширма, стол да пара стульев.

Поэтому, едва переступив порог и бросив первый взгляд на открывшуюся картину, Чэнь Исян замер в оцепенении, превратившись в безмолвную каменную статую.

Го, го, господин секты... Что он вообще вытворяет?!

Стоя у входа, Чэнь Исян не мог толком ничего разглядеть сквозь приоткрытую ширму, улавливая лишь смутные очертания. Казалось, будто его почтенный господин секты распростёрся на кровати и соприкасается с лежащим там лицом к лицу, занимаясь... занимаясь чем-то совершенно непроизносимым...

Да какое там непотребство — с каких это пор его господин секты вообще подпускал кого-то настолько близко к себе?!

Янь Сяожань осторожно отстранился от чужого Моря Сознания. Их лбы всё ещё соприкасались, и он с естественной закономерностью заметил, что незнакомец потерял сознание.

В глазах, где ещё не до конца растаял алый туман, неконтролируемо мелькнула тень вины.

Приподнявшись на локте, Янь Сяожань опустил длинные пальцы на лоб пострадавшего.

А затем медленно повернул голову.

Я... господин секты, я тут принёс чаю... Едва встретившись взглядом с ледяным, лишённым всяких эмоций лицом Господина Сяожаня, Чэнь Исян ощутил идущую от него стужу. Поняв, что он, судя по всему, застал нечто запретное, бедняга невольно заикался на каждом слове.

Поставь и ступай.

Слушаюсь!

Если больше ничего не нужно, передай остальным, чтобы никто не смел меня беспокоить. — ...Слушаюсь. Чэнь Исян опустил поднос, но вдруг вспомнив истинную цель своего подъема, почтительно спросил: Куда, по словам старшего брата Чу, мы сейчас направляемся?

Янь Сяожань прикрыл глаза, а когда открыл их снова, его зрачки вновь стали угольно-черными. Помолчав немного, он произвел: Сначала отправимся к Башне Укрощения Демонов. Тех нескольких охранников каравана вы должны хорошенько охранять.

Слушаюсь, ученик понимает.

Поток прохладного дыхания проник в Море Сознания и в мгновение ока распространился по всем конечностям и костям. Освежающее ощущение быстро смягчило острую боль, которая раз за разом полоснула по мозгу, словно лезвие ножа.

Цзин Фаньшэн видел сон.

Старинные ступени поросли мхом, и лишь там, где люди ходили постоянно, проступал серовато-белый первозданный камень.

Подняв голову и глядя вверх, он увидел, что лестница ведет к изящной и простой по форме беседке, а прямо над ее центром висел большой колокол.

Если посмотреть еще выше, то за беседкой тянулись точно такие же ступени, уходящие в самую высь, в окутанные туманом облака.

Цзин Фаньшэн поднял ногу и зашагал вверх по ступеням.

Ему казалось, что это место до боли знакомо. Казалось, что деревья по обеим сторонам каменной лестницы, солнце прямо над головой и аромат травы в воздухе были настолько привычными, будто он погрузился в бассейн с теплой водой. Ему стало так комфортно, что он невольно издал стон.

Вдыхая запах травы, Цзин Фаньшэн шел все быстрее и быстрее, пока у ворот горной обители не увидел на огромном валуне три древних, замысловатых иероглифа. Он знал, как они читаются, но не смог бы написать сам: Гора Чунмин. Только тогда он вспомнил, где находится.

Оказывается, он вернулся в свою секту.

Но из-за чего же он спускался с горы? Цзин Фаньшэн почесал в затылке — вспомнить не удалось.

Как и прежде, заложив руки за спину и выпятив грудь, он уверенно зашагал через горные врата. Учеников на Горе Чунмин было немного, но жизнь там кипела.

Мимо как раз проходила изящная женщина с двумя пучками волос на голове. Увидев его, она сладко позвала: Старший брат.

Как ни странно, черты лица этой женщины были совершенно размытыми, и разглядеть их было решительно невозможно.

Но, словно ее облик и голос были высечены у него в сердце, Цзин Фаньшэн прекрасно знал, кто это, и не видел в этом ничего странного.

Он по привычке изогнул губы в улыбке, которую считал самой красивой — немного небрежной

и самую капельку соблазнительной, — и непринужденным тоном произнес: Младшая сестра У, куда путь держишь? Голос той девушки звучал сладко:

— Учитель велел мне сходить к старшему брату Чэню за кое-какими пилюлями, но раз уж я встретила старшего брата, то смогу сберечь немного времени и не делать лишний крюк.

Произнеся это, она даже без возможности разглядеть её черты лица заставила Цзин Фаньшэна очароваться её игривым видом.

На душе у него сразу стало легко и радостно. Он невольно запустил руку за пазуху и с улыбкой спросил:

— Какие пилюли нужны дяде-наставнику?

Получив от него нужные пилюли, та младшая соученица по фамилии У поблагодарила его и легкой грациозной походкой удалилась.

Цзин Фаньшэн наконец начал чувствовать неладное, хотя и не мог понять в чём дело.

Продолжая идти вперёд, он то и дело встречал младших соучеников, младших соучениц, дядей-наставников и старших сородичей по секте, и лица всех до единого расплывались в туманной дымке. Но даже несмотря на это, Цзин Фаньшэн в глубине души отчётливо понимал, какие выражения лиц скрываются за этим туманом. Он вовсе не испугался, напротив, по-прежнему ощущал тепло и близость.

Пройдя ещё немного, он издали заметил соломенную хижину, обнесённую высоким плетёным забором. Не находя в появлении этой хижины в таком месте ничего странного, Цзин Фаньшэн ускорил шаг и направился в ту сторону.

Внутри ограды красивый и ладный юноша в белых одеждах, чьи черты лица уже можно было разглядеть отчётливо, поджав губы, с суровым выражением лица взмахивал мечом.

Уголки губ Цзин Фаньшэна тронула улыбка, и он уже собирался перемахнуть через изгородь, чтобы подойти к юноше, как вдруг услышал, как его зовёт детский, звонкий голосок. — Старший соратник!

Стоило ему обернуться, как ребёнок ростом ему по пояс бросился на него. Следом за ним сбиваясь с дыхания бежал пухлый мужчина.

В отличие от юноши в белых одеждах из сада, чьи волосы были собраны лишь наполовину, оба они собрали волосы целиком, зафиксировав их высокими, заострёнными на макушке головными уборами, и были облачены в чёрные даосские робы.

Лица этих двоих тоже можно было разглядеть отчётливо.

Маленький мальчик поднял лицо и, улыбнувшись, произнёс:

— Старший соратник, куда ты направляешься? Пойдём играть со мной и старшим соратником Чэнем!

Лицо этого ребёнка было гладким и белым, как нефрит, а сам он выглядел необычайно одухотворённым. Цзин Фаньшэн улыбнулся ему и машинально протянул руку, чтобы погладить по голове. В этот момент в его сердце внезапно мелькнула мысль: лица только этих троих можно разглядеть отчётливо.

Едва эта мысль возникла, картина перед глазами начала искажаться и раскалываться на части.

Стоило взглянуть снова, как перед ним предстала та же древняя каменная лестница, уходящая в небо. Ребёнок, который прежде любил обнимать его за талию, уже вырос и теперь целился летящим мечом прямо ему в сердце. Глаза его покраснели, а зулки казались готовыми вылезти из орбит, всё его лицо выражало ярость, а зубы скрипели от злости. Цзин Фаньшэн словно наяву вспомнил, где находится, и инстинктивно попытался отступить и сбежать. Но не успел он и двинуться, как ребёнок заговорил: не торопясь, с расстановкой, чеканя каждое слово, от которого в сердце словно вонзались кинжалы:

— Цзин Фаньшэн, ты истребил всех сородичей и пал на Путь Демонов. Ты нечестив, вероломен, жесток и беспринципен! Отныне ты больше не ученик горы Чунмин! Сегодня мне не одолеть тебя, но придёт день, когда я постигну искусства и претворю тебя в прах, а твою душу обреку на вечные муки в пучине страданий!

— Нет, это не так... — острая головная боль вновь яростно запульсировала, в ушах зашумело.

Ему пришлось обхватить голову руками и с трудом приподнять веки. Солнечный свет резанул по глазам: две фигуры на каменных ступенях стояли против света, но даже сквозь слепящее сияние угадывались незнакомые, искаженные ненавистью лица.

— Нет... всё не так, младший соученик... младший брат Чэнь, выслушайте меня...

Лишь в этот момент до него запоздало дошло, что ему приснился сон.

Практикующие Путь Истины не нуждались во сне, а даже заснув, не видели снов.

Он уже и не помнил, когда в последний раз видел сны — это было несколько сотен лет назад.

И надо же было такому случиться, чтобы сон оказался столь ужасным кошмаром.

Но раз уж он осознал, что находится внутри кошмара, Цзин Фаньшэн, естественно, отчаянно попытался проснуться.

Все образы растаяли, он словно рухнул в кромешную тьму, но тело придавило тяжестью мириад горных вершин, так что разомкнуть веки никак не удавалось.

В этот момент в дыхании внезапно повеяло тонким холодным ароматом, и эта прохладная свежесть снова проникла со лба в Море Сознания. Словно лёгкий, напоенный влагой ветерок коснулся его, и Цзин Фаньшэн невольно блаженно выдохнул, вновь погружаясь в сон.

Глава 22: Воспоминания о сне (2)

Воздух был напоен необычным холодным ароматом.

Цзин Фаньшэн медленно пришёл в себя и, едва повернув голову, сразу увидел стройную фигуру в белых одеждах со спины.

— Янь... — Мысли в голове ещё путались, и, узнав, кому принадлежит эта спина, он машинально хотел окликнуть его, но на середине фразы сообразил, что это звучит неумено, и поспешно исправился: — Господин Сяожань?

Янь Сяожань от природы отличался такой железной строгостью и педантичностью, что никогда не улыбался. Каждое его слово и движение дышали благородством и выправкой; даже сидя в одиночестве в пустой комнате, он держал спину идеально прямой.

От него исходил едва уловимый прохладный аромат, которого раньше не было. Запах вовсе не казался неприятным, напротив, он освежал разум и прояснял мысли, но от этого весь облик Янь Сяожаня казался ещё более холодным и отрешённым.

Став главой великой секты, он действительно изменился до неузнаваемости.

Подумав об этом, Цзин Фаньшэн, придерживая голову руками, приподнялся на постели.

В безупречно белых, словно из нефрита, руках Янь Сяожань держал пожелтевшую от времени старинную книгу. Услышав шевеление, он обернулся и бросил на него взгляд.

Первой мыслью Цзин Фаньшэня было: неужели Янь Сяожань не медитировал?! Просто невероятно! Разве на поздней ступени Разделения Духа можно не уделять столько времени тренировкам?

Соображая с трудом, он вдруг сообразил, что лежит в самом дальнем углу кровати, а Янь Сяожань сидит на краешке и читает книгу...

Цзин Фаньшэн мысленно опешил. Он отказывался верить, что в Мешочке Цянькунь самого господина Сяожаня не нашлось бы места даже для простого циногового коврика для медитации.

То, как просто и бесцеремонно Янь Сяожань приблизился к нему, заставило сердце Цзин Фаньшэня забиться в тревоге.

— Ой-ой, что со мной? Что же со мной такое? — протянул он, морщась и поднимаясь.

Янь Сяожань сидел на краю постели и молча смотрел на него. Его черные глаза немигающе следили за каждым его движением, а затем он неторопился произнёт:

— Ты был ранен и потерял сознание.

Хотя собеседник вечно ходил с каменным лицом и излучал ледяной холодок, голос его звучал на редкость мягко и приятно. Похоже, это был один из тех врождённых навыков, которыми автор наградил своего любимчика, чтобы читательницы, необъяснимо привязанные к этому персонажу, не казались совсем уж слабоумными.

Цзин Фаньшэн украдкой покосился на его лицо, но не заметил ничего необычного.

— О! Я вспомнил! — неожиданно он ухватил Янь Сяожаня за рукав и воскликнул: — Выходит, это вы, господин Сяожань, спасли меня?

Руки Цзин Фаньшэня не были грязными, но свисавший с запястья подол халата покрылся серым налётом, из-за чего казался неопрятным.

Тем не менее, в тот самый момент, когда рука ухватила его за рукав, Янь Сяожань едва заметно поморщился.

Господин Сяожань всегда отличался прекрасным воспитанием и к тому же обладал непроницаемым лицом, поэтому не стал высказывать сильного недовольства. Но и этого хватило, чтобы Цзин Фаньшэн быстро оценил обстановку: судя по реакции, господин Сяожань, похоже, вовсе ничего не заподозрил.

Янь Сяожань ведь побывал в его Море Сознания — в этом Цзин Фаньшэн был уверен ещё до того, как потерял сознание.

Хоть Цзин Фаньшэн и кипел от безмолвной злости на безрассудство Янь Сяожаня, из-за которого сам же и рухнул без чувств, но с незнающего спросу нет, поэтому предъявлять претензии было бы глупо. К тому же, судя по их текущим ролям, один — возвышенный глава Секты Меча Улян господин Сяожань, а второй — нищий бродячий заклинатель из народа, который в любой момент может отдать Богу душу. Если бы он сейчас стал цепляться к мелочам, это сочли бы верхом бестактности.

К счастью, Янь Сяожань обладал таким характером: если другие ничего не говорили, сам он расспрашивать не станет. Это сильно облегчало жизнь Цзин Фаньшэню, которому по крайней мере не пришлось придумывать оправдания насчет происходящего в его Море Сознания.

Он разжал пальцы, отпустил чужой рукав, потрепал себя по волосам и спросил:

— Ну... сколько дней я был без сознания?

Янь Сяожань бросил на него взгляд и ответил:

— Три дня.

Три дня, слава богам, пронесло. Мысленно с облегчением выдохнув, Цзин Фаньшэн подумал, что проснулся в самый подходящий момент.

Но не успел он порадоваться, как услышал слова Янь Сяожаня:

— Мы скоро прибудем на гору Улян. До тех пор будешь отлёживаться здесь, никуда не ходи.

— Что? — Цзин Фаньшэн не верил собственным ушам.

А Янь Сяожань больше не глядел на него: он снова отвернулся и поднял перед собой старинную книгу.

Вне поля зрения господина Сяожаня Цзин Фаньшэн раздраженно взъерошил волосы.

Скрестив ноги и подперев щеку рукой, он смотрел на водопад черных волос Янь Сяожаня и его безупречно прямую спину. С трудом подавив желание протянуть руку и поиграть его прядями, он думал о том, что Янь Сяожань наверняка что-то пронюхал.

Раз уж тот заявил, что они скоро будут на горе Улян, да еще прибавил «до тех пор никуда не ходи», и при этом ни словом не обмолвился о том, когда собирается высадить его и отпустить на все четыре стороны, разве это не завуалированный домашний арест?

Если вечно строгий, педантичный и чтущий правила господин Сяожань смог сказать такое какому-то постороннему бродячному заклинателю, значит, он определенно что-то заподозрил!

Где же он прокололся?

Цзин Фаньшэн торопливо обыскал себя: одежда на месте, рукав Цянькунь на месте, сумка для хранения при нём, причем все вещи целы и следов насильственного взлома нет. Никаких причин для подозрений быть не должно! Неужели...

Он поспешно вытащил бронзовое зеркальце и посмотрелся в него.

Инстинктивно провел рукой по лицу. Всё в порядке: всё то же самое самое заурядное, лишённое малейшей изюминки лицо, на которое ему и самому-то смотреть не хотелось.

— Эм... господин Сяожань?

Белая спина оставалась неподвижной.

Делать было нечего, и Цзин Фаньшэн, полуприлёгши и наполовину свесившись с постели, вытянул шею в надежде заставить господина Сяожаня снизойти до него взглядом.

Убедившись, что его верхняя половина туловища высунулась достаточно далеко и он наконец видит глаза Янь Сяожаня, Цзин Фаньшэн вцепился пальцами в край кровати и взмолился:

— Вы ведь не всерьёз задумали держать меня взаперти до самого конца? Я... я человек такой, не умею сидеть без дела... Ох, кстати говоря, а где мой сынок?

— Он внизу, — Янь Сяожань и впрямь взглянул на него. — Можешь пойти навестить его.

— Вот и отлично! — услышав это, Цзин Фаньшэн кубарем скатился с кровати.

Янь Сяожань перевернул страницу пальцами, даже не поднимая головы, и продолжил:

— Вокруг этого корабля установлен барьер, без моего разрешения никому не позволено входить или покидать его. К тому же судно связано с моим Божественным сознанием: стоит мне только захотеть, и я узнаю обо всём, что делает любой человек на борту.

Цзин Фаньшэн, уже добежавший до двери, вдруг сдуплся, словно проколотый мяч, и ноги сразу стали ватными.

...Мне что, сейчас сказать спасибо Янь Сяожаню за его благородство и за то, что предупредил заранее? Между прочим, уважаемый господин Сяожань, а ваши ученики и последователи вообще в курсе, что вы так бессовестно вторгаетесь в чужую личную жизнь?

К тому же, артефакт жизни, связанный с Божественным сознанием, заклинатель может привязать к себе максимум три штуки! А чтобы одновременно удерживать три таких артефакта, нужно как минимум обладать силой стадии Разделения Духа, причем после привязки сменить или перековать их уже нельзя.

Какой из практикующих не бережет эту драгоценную возможность для духовного мечи или артефакта, спасающего жизнь? И только такой богатей, великий мастер и по совместительству главный герой, избранный автором, как Янь Сяожань, может позволить себе столь капризную роскошь — сделать своим артефактом жизни целый летающий корабль.

Выйдя за дверь и спускаясь по лестнице, Цзин Фаньшэн с мрачным выражением лица подумал, что Янь Сяожань наверняка вспомнил историю с Пилулей Изменения Облика и теперь просто ждет, пока тот сам себя выдаст.

После приема Пилули Изменения Облика цвет кожи человека темнеет, а черты лица

меняются: например, обладатель высокого носа после лекарства кажется курносым. Мешки под глазами вместо милых припухлостей могут превратиться в уродливые морщины — короче говоря, пилюля в большинстве случаев делает человека дурнее.

Когда он только создал эту пилюлю, эффект после приема длился всего двенадцать часов. Спустя двенадцать часов действие зелья заканчивалось, и внешность естественным образом возвращалась к прежнему виду.

Позже, находясь в Долине Запретного Края, он от нечего делать усовершенствовал рецепт, добившись того, чтобы эффект держался около пяти дней.

...Осталось максимум двое суток.

Если он не примет пилюлю, то какая уж тут конспирация?

<http://bllate.org/book/22149/2307425>